

К 100-летию со дня рождения писателя А. Н. Толстого

КЛАССИК СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ки Максима Горького. С юношеских лет литература стала жизнью Толстого, а жизнь — служением России и ее народу, без которых он не мыслил себя.

Октябрьскую революцию Толстой вначале не понял. С 1918 года он находился в эмиграции — во Франции и Германии. Но в 1923 году вернулся на родину. Перед отъездом он опубликовал «Открытое письмо Н. Чайковскому» — одному из руководителей контрреволюционной эмиграции. В этом письме А. Толстой называл Советскую власть единственной реальной силой, защищающей свободу русского народа и отстаивающей независимость русского государства.

На дверях его московской квартиры сверкала медная дощечка с выгравированной надписью: «Гр. А. Толстой». Писатель не снимал ее. «До революции, — шутил он, — это «Гр.» означало «граф», после революции — «гражданин». Но гражданином он был и оставался всегда — и в годы эмиграции, и в годы плодотворного творчества на Родине. Гражданственность и патриотизм помогали ему оставаться самим собой, выдерживать испытания, находить верную дорогу.

«Две страсти жили в этом человеке, — отмечал близкий знавший его писатель Илья Эренбург. — Любовь к своему народу и любовь к искусству. Он скорее почувствовал, чем логически понял, что писать вне России не сможет. А любовь к народу была такова, что он рассорился не только со своими друзьями, но и со многим в самом себе — поверил в народ и поверил, что все должно идти так, как пошло».

Он был жизнелюбом и тружеником, веселым собеседником и непреклонным в своих убеждениях человеком. Вот один из характерных штрихов к его портрету. Однажды в парижскую гостиницу, где жил Толстой, зашел его знакомый — негр. Живший в том же отеле американец грубо потребовал, чтобы негр удалился. Толстой пробовал его урезонить, а когда это не удалось, просто спустил расиста с лестницы при одобрительных возгласах постояльцев — французов.

Он, как никто, знал русский язык и чувствовал его подобно тому, как тонкий музыкант чувствует музыку. На это обращал внимание все исследователи его творчества. А Толстому принадлежит особая роль в соз-

дании большой эпической формы в советской прозе, он признанный новатор в области исторического жанра.

Писатель поведал миру о муках и желаниях Ивана Грозного и о железной воле Петра Великого. Он рассказывал о простой и совсем не загадочной душе русского солдата, сломившего в годы Великой Отечественной войны фашистскую машину, о судьбах русской интеллигенции и смысле жизни. Все, что было связано с Россией, ее народом, было дорого его сердцу. России, ее людям, ее прошлому, настоящему и будущему посвящены его книги, переведенные на множество языков.

«Детство Никиты», и «Золотой ключик», «Хромой бабин» и «Рассказы Ивана Сударева», «Гиперболоид инженера Гарина» и «Аэлита», «Хождение по мукам» и «Петр Первый». Эти произведения — желанные спутники читателя, по ним сделаны театральные постановки, теле- и кинофильмы.

Алексей Толстой принадлежит не только истории русской советской литературы, но и ее сегодняшнему дню. Это можно утверждать совершенно определенно.

Гавриил ПЕТРОСЯН.
(АПН).

ЛАТВИЙСКИЕ СТРАНИЦЫ ПИСАТЕЛЯ

Имя Алексея Николаевича Толстого широко известно и горячо любимо читателями. Интерес к автору трилогии «Хождение по мукам», исторического романа «Петр Первый», научно-фантастической повести «Аэлита», пламенной публицистики военных лет постоянно возрастает. В «Аэлите» и «Гиперболоиде инженера Гарина» Толстой прозорливо предвидел освоение космоса и безграничные возможности лучевой энергии. В «Петре Первом» и драматической дилогии «Иван Грозный», оставаясь сыном XX века, он художественно осмыслил экономические, общественные, политические и эстетические проблемы своего времени, перевоплощался в человека то XVI, то XVIII столетия.

В разные годы А. Н. Толстой извездил Россию, побывал в Эстонии и Латвии, в Англии, Германии и Франции. С удостоверением военного корреспондента он был на фронтах первой мировой войны. Многие дни писатель провел в сражающемся Мадриде. На международных конгрессах Толстой страстно защищал главные нравственные ценности своей эпохи, выступал в защиту мира и культуры.

Латвия, ее природа и люди, ее культура отзывались в ряде произведений прозы и драматургии Толстого. Образы «верных сторожевых революций», латышских красных стрелков, запечатлены в повести «Хлеб»: «Съезд Советов вынес решение — перенести столицу в Москву... Вдоль синих вагонов стояли румяные рослые латышские стрелки... Чтобы

вернуть родину, нужен долгий окружной путь через равнины Украины, России, Сибири, через победы революции и народов, имена которых латыши услышали впервые. Трудно было вообразить такой путь, трудно решиться. Они решились. Невозмутимые, суровые, твердо держа винтовки, — глядели на проходившего Ленина. Жизнь этого человека была их жизнью, их надеждой».

Латышские стрелки и их легендарный командир О. Калнин предстают и на других страницах повести «Хлеб», например, в эпизоде разгрома белогвардейских полков Мамонтова. Эти сцены поражают удивительной авторской причастностью к изображаемому событию, умением глубоко осмыслить исторический факт, документ.

Прибалтийская тема проходит в романе, пьесе и киносценарии, одинаково названных автором «Петр Первый», в тематически близком этим произведениям рассказе «Марта Рабе». В романе «Петр Первый» воссозданы такие эпизоды, как первое посещение Петром Риги в 1697 году, сражение под Нарвой, взятие Мариенбурга (Алуксне), пребывание польского короля Августа в Митаве (Елгава).

Перед читателем возникает столица Курляндии начала XVIII века с поразительными контрастами роскоши и нищеты, с ослепительным великолепием герцогского дворца и нищенской жизнью разоренного войной городского люда: «Узкие, мрачные дома с открытыми крышами, с железными дверями — как вымер-

шие; разве высоко в окошке прильнет к стеклу сердитое лицо в колпаке. На базарных площадях лавки все заперты. Иногда — четверкою тощих коней — громыхали тушки по большим булыжникам мостовой. Угрюмые всадники прикрывались шерстяными плащами от сквозного ветра. Одни только нищие — мужики, бабы с исплаканными лицами, дети в тряпье — бродили кучками по городу, глядели, сняв шапки, на окна».

Одно из действий пьесы «Петр Первый», по авторской ремарке, проходит в «лифляндской избе». В пьесе, так же как и в романе, идет речь и об осаде крепости Мариенбург, и о стремительном возвышении полуслужанки, полувоспитанницы пастора Эрнеста Глюка — Екатерины.

Роман «Петр Первый» оказал влияние на развитие латышской реалистической прозы. Блистательный перевод этой книги, выполненный автором «Земли зеленой» и «Просвета в тучах» А. Упитом, стал первым импульсом к созданию улитовской трилогии «На грани веков», сюжетно и событийно перекликающейся с романом Толстого.

Представляется знаменательной и еще одна грань, связывающая Толстого с Латвией. Речь идет о личных контактах Алексея Николаевича с театральной общественностью Риги. Писатель прибыл в Ригу 5 февраля 1922 года. До того прошли его авторские выступления в Каунасе. Странствиями рижских актеров М. Я. Муратова и Н. С. Барабанова в Малой гильдии

(теперь ул. Аматы, 5) состоялся литературный концерт Толстого. Алексей Николаевич выступил и на благотворительном вечере в пользу Рижского театрально-художественного общества. В своей пьесе «Касатка», поставленной на сцене Рижского русского театра, он исполнил роль Желтухина. По сообщениям местных газет, актерский дебют Толстого, авторское чтение пьесы «Любовь — книга золотая» — романтической шутки, соединенной с бытом и причудами времен Екатерины II, — «заворожили» слушателей «сказкой», но все же «похожим на быль» сюжетом. В «Касатке» Толстой оказался достойным партнером таких мастеров сцены, как Н. Барабанов, Л. Мельникова, Е. Маршева. Специально для рижского спектакля Алексей Николаевич написал «Романс Желтухина», который исполнил с большим чувством, аккомпанируя себе на гитаре...

Эти и некоторые другие факты дают основание утверждать: рижскую поездку Толстого никак нельзя назвать обычным путешествием. Это было узнавание Латвии, ее людей, быта, истории. С годами эти впечатления не стерлись, не потускнели. Они всякий раз напоминали о себе, когда Толстой работал над латышскими страницами своих вечных книг.

Б. ИНФАНТЬЕВ,
кандидат филологических наук;

А. ЛОСЕВ,
кандидат педагогических наук.